

Нелёгким и во многом поучительным был жизненный путь у о. Евмения. Родился он в 30-х гг. прошлого века, в крестьянской семье в Лельчицком районе. Долгое время работал пастухом. Среди своих односельчан (в Буйновичах) выделялся глубокой верой в Бога. Наверное, поэтому и к своей работе относился ответственно, заслуженно считался «ударником». Его даже представили к высшей государственной награде – ордену Ленина. Но только безбожные власти поначалу потребовали от него отречься от Христовой веры. Но на это будущий священник спокойно ответил: «Вера – выше за все награды».

На долю о. Евмения выпало немало хлопот по возрождению Пиревичского храма. По воле Божьей при поддержке и содействии местного совхоза «Пиревичский» и районных властей архитектурный комплекс был восстановлен. Именно при о. Евмению была проведена реставрация разрушенной ещё в годы войны колокольни. Произошло это в середине 1990-х гг. – к 95-летию храма.

Пиревичский храм Всех Святых, построенный из красного кирпича, уже издалека привлекает глаз любого путника. Внутренняя площадь храма – почти 500 квадратных метров, толщина стен – более одного метра. Здесь самый большой алтарь в Гомельской епархии, идеальная акустика. Храм имеет вытянутую крестообразную композицию, в которой доминирует огромный по размерам куб молитвенного зала, украшенный парапетом из кокошников и увенчанный двухъярусным купольным барабаном. Особую жизнерадостность ему придает разноцветная орнаментальная керамика – майоликовые полихромные плитки, круглые розетки, оживляющие кладку стен. Тот же мотив ковровой узорчатости, почти восточной декоративной пряности присутствует и в оформлении интерьера церкви, в котором молитвенный зал перекрыт красивым сферическим куполом с фонарём, а приделы и трапезная завершены цилиндрическими сводами.

15 апреля 2000 года Пиревичский приход возглавил новый настоятель – протоиерей Василий Васильевич Михайловский (1952 г.р.). Им проводится большая работа по духовному возрождению в Пиревичах.

Настоятель храма, отец Василий Михайловский убеждает своих прихожан в следующем: «В сложных жизненных ситуациях мы можем уповать только на Бога и Божью Матерь» [6;7]. Прихожане стали чаще посещать богослужения, укреплять веру в себя, молиться. Приезжают к нам верующие из других городов и мест Беларуси. Только в храме можно по-настоящему ощутить ту великую радость, которую испытывает душа человека.

Для возрождения духовности необходимо, чтобы мы лучше знали историю своего народа. Уважение к памятникам истории, бережное отношение к вере своих предков – одна из сторон нравственной характеристики человека. Она позволяет нам, молодым, ощущать себя наследниками прошлого и сознавать свою ответственность перед будущим.

Список цитируемых источников

1. Газета «Новы дзень», (Жлобин) – № 126, 1999 г., №81, 2003 г., №88, 2007 г., №76, 2009 г., №№34, №95, 2013 г., №11, 2014 г.
2. Газета «Царкоўнае слова», (Минск) – № 7, 1999 г., № 12, 2001 г., № 14, 2002 г., №№ 15,16, 2010 г., №№ 23, 48, 2013 г., № 7, 2014 г.
3. Журнал «Праваслаўе», – №№ 14-15, 2007 г.
4. Интернет-ресурсы.
5. Патапаў, А.Ф. Вытокі станаўлення Праваслаўя і іншых рэлігійных абшчын на Рагачоўшчыне-3. – Мн., 2012 г.
6. «Правило Веры» (еженедельная газета Гомельского Свято-Никольского мужского монастыря) – №24, 14 июня 2015 г.
7. Святло каштоўнасцей духоўных. Жлобінскі край: мінулае і сучаснае. – Гомель: ААТ «Полеспечать», 2009.

О. В. Щура

Институт туризма учреждения образования «Белорусский государственный университет физической культуры», Минск

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В 20 – 30 ГГ. XX ВЕКА

Введение. Многие десятилетия во взглядах на взаимоотношения государства и религиозных организаций в советский период 20 – 30-х гг., в оценке позиций и действий каждой из сторон имели место общепринятые стереотипы. Созданный государством идеологический стандарт освещения темы существовал десятилетиями и изменялся в зависимости от программных установок КПСС. Положение усугублялось запретом на изучение церковной и религиозной жизни в стране, недоступностью ряда документов и фондов. По существу стоит задача воссоздания максимально объективной истории государственно-церковных взаимоотношений в советский период, особенно в период их становления — 20 – 30-е гг. В ходе этого конфликта погибли тысячи людей, стоявших очень далеко от политической борьбы, разрушены храмы и монастыри, уничтожены создававшиеся веками историко-культурные ценности. Изучение данного вопроса актуально и важно сегодня, когда переосмысливается опыт прошлых десятилетий, место религии и церкви в обществе, когда определяются векторы и формы сотрудничества церкви и государства, когда остро стоит проблема духовно-нравственных ориентиров и ценностей в жизни.

Основная часть. Партия большевиков, придя к власти, начала строить новую государственную систему. Государственная политика строилась на разрушении и отрицании старого строя, старых традиций и устоев, основывалась на глубоких противоречиях в обществе. Церковь и религия для новой власти являлись неотъемлемой частью старого строя, а значит, и частью тех общественных сил, против которых революция

была направлена. Основой «церковной политики» советской власти стал Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 года. На основе этого закона был принят аналогичный декрет СНК БССР 11 января 1922 года. Данный акт устанавливал светский характер государственной власти, определял правовые нормы взаимоотношений — свободу совести и вероисповедания, невмешательство в деятельность церкви. Провозглашенные принципы создавали предпосылки для нормализации отношений Церкви и новой Советской власти. Однако условия, в которых происходило формирование основ государственно - церковных взаимоотношений, не способствовали последовательной реализации положений декрета. Трагический конфликт, жесткая борьба между церковью и государством разворачивались в условиях резкой поляризации общества, гражданской войны и экономических трудностей. Надежды на то, что после отделения церкви от государства религия станет частным делом граждан, не оправдались.

До 1917 года церковь столетиями существовала в союзе с государством. По мнению Митрополита Филарета, почетного Патриаршего Экзарха всея Беларуси: «...большинству церковных деятелей представлялся неприемлемым сам принцип отделения Церкви от государства, который в начале 1918 года провозгласила молодая Советская республика, ...они на первых порах активно не одобряли многие деяния новой государственной власти. Это создавало известную конфронтацию в обществе между новым строем и Церковью, что трагично отразилось на церковной жизни всей страны» [1, с. 28]. Политика государства привела к церковному расколу.

Обновленческая церковь признала советскую власть, и в 20 - е годы в Беларуси активно разворачивается движение обновленцев [2, с. 164]. Введенский А. И., являясь приверженцем новой власти, политику государства определял как последовательную и логичную, и утверждал, что, освободившись от контрреволюционной деятельности, церковь сможет "...легально существовать в советской России, которая не запрещает веровать..." [3, с. 252]. Однако позиция власти оставалась жесткой и бескомпромиссной, церковный раскол рассматривался, как стремление церкви приспособиться к новым условиям, и даже та часть духовенства, которая приняла новую власть и перешла на ее сторону, остается контрреволюционной. Именно эта часть духовенства признана наиболее опасной [4, с. 48]. Советская власть определила, таким образом, что ведет борьбу не столько со своими открытыми врагами, сколько с церковью в целом как основной традиционной идеологической и духовной жизни общества.

Государство проводило жесткую политику не только против церковных организаций, но и против идей веры и простых верующих. Идейной основой этой политики стал лозунг: «Борьба против религии — классовая борьба» [5, с. 4]. Концепция этой борьбы выстраивалась на главном партийном тезисе, утверждавшем, что религия объявила «крестовый поход» против СССР с целью задушить социализм, а церковь — «гнездо контрреволюции» [6, с. 15]. Орудием борьбы против религии выдвигалось воинствующее безбожие. Основная роль в этой борьбе отводилась Союзу воинствующих безбожников и мощной антирелигиозной пропаганде. Сущность религии определялась как империалистическая, а религиозные организации названы единственными организациями в СССР, во главе которых стоят классовые враги трудящихся [4, с. 47]. «Рэлігія — тормаз сацыялістычнага будаўніцтва», поэтому борьба с ней — самая важная боевая задача [4, с. 47].

Систематизация и обобщение сведений по священнослужителям, репрессированным в БССР в 20 — 30 - е гг., на основании изученных архивных данных КГБ и уже опубликованных материалов в форме проблемно-ориентированной базы данных, позволяют проследить определенные тенденции в применении репрессивных мер в отношении священнослужителей [7]. Так, в 20 - е годы в БССР основными мерами наказания являлись заключение в концлагерь (около 40% от общего числа осужденных) и ссылка (около 48% от общего числа осужденных). Основные места ссылки — Соловецкие лагеря особого назначения и Сибирь. Высшая мера наказания — расстрел — применялась примерно к 4% всех осужденных. В 20 - е годы использовались такие меры наказания, как лишение свободы условно, высылка за пределы Беларуси и ссылка в центральную часть России.

В 1929 г. было заявлено, что антирелигиозная работа уже не может вестись так, как в первые годы революции, поскольку во главе церкви ранее стояло «...дворянство и кулачество, теперь — кулак и нэпман», а, значит, церковь не стала менее опасна и вредна, она поменяла приемы работы [8, с. 279]. По сути, этим обосновывалось ужесточение политики в 30 - е годы и массовые репрессии. Начало 30 - х годов явилось переломным в политике государства, которое от принудительных мер к церкви и священнослужителям переходит исключительно к репрессивным.

В 30 - е годы основные меры наказания священнослужителей — это заключение в концлагерь, расстрел и ссылка. Количество расстрелянных увеличивается более чем в 6 раз, количество заключенных в концлагерь увеличивается до 45% от общего числа осужденных священнослужителей. Значительно сокращается количество высланных священнослужителей в Соловецкие лагеря, что свидетельствует о чрезмерной переполненности лагерей к 30 - м годам, и увеличивается число высланных в Сибирь и Казахстан — новый район ссылки.

Анализ применения по годам высшей меры наказания в 30 - е годы в БССР по отношению к священнослужителям выявил высокий процент расстрелянных в 1930 году, почти четверть всех приговоров к высшей мере приходится на данный год. Это свидетельствует о размахе кампании по конфискации

колоколов, начатой в соответствии с «Постановлением СНК СССР об изъятии колоколов церквей в целях использования их для снабжения промышленности цветными металлами» от 30.10.1930 г., согласно которому только в БССР предполагалось получить не менее 1 тыс. тонн лома колоколов, и о серьезном сопротивлении, оказанном священнослужителями по спасению церковных ценностей [9]. С другой стороны, провал осуществления коллективизации власть объяснила происками врагов и антиколхозной деятельностью священнослужителей. На 1932 — 1933 годы в государственной программе по борьбе с религией предусматривалось закрытие всех церковных учреждений и проведение активной пропаганды атеизма, что объясняет определенный спад в применении расстрелов в отношении духовных лиц. Трагический 1937 год стал пиком массовых репрессий и применения высшей меры наказания к священнослужителям. Из приговоров к высшей мере наказания в 30 - е годы почти половина (48%) вынесены в 1937 году. На этот год была поставлена цель — празднование окончательного уничтожения всех следов религии на территории СССР [2, с. 175]. Данные цифры представляют общие тенденции в применении силовых методов и репрессивных действий государства в отношении священнослужителей в БССР в 20 — 30 - е годы, но не отражают масштабы репрессий.

В советской историографии вплоть до 80 - х гг. роль церкви, рассматривалась как реакционная, а деятельность — антинародная. Таким образом, вся вина и ответственность за события 20 — 30 - х гг. возлагались исключительно на церковь и духовенство. В 80 - е годы в научной литературе было замечено, что государство допускало ошибки, и против духовенства принимались репрессивные меры, но «государство привлекало к уголовной ответственности организаторов кровавых столкновений», количество репрессированных, представших перед революционным трибуналом названо «более 700 человек» [10, с. 41]. В середине 90 - х годов, в научной литературе указаны совершенно иные цифры — 3247 служителей культа арестованных и осужденных только в 1937 — начале 1938 гг. в БССР [11, с. 206]. Это свидетельствует о необходимости тщательного изучения документальной базы, всестороннего анализа и формирования объективной исторической картины взаимоотношений церкви и советского государства в 20 — 30 - е гг.

Заключение. Отделение церкви от государства не явилось позитивным фактором государственного развития СССР в 20 — 30 - е годы. Цели, методы и средства советского государства в области религии не соответствовали провозглашенным принципам и правовым нормам. Трагедия Советского государства в том, что оно стремилось отделить церковь от общества, общественной жизни, разорвать веками складывавшуюся духовную связь между народом и церковью. Духовный вакуум советская власть пыталась заполнить атеизмом, уничтожая все, что относилось к религии и вере. Жесткая силовая позиция власти и идеологическое давление определили то, что проблема взаимоотношений церкви и государства 20 — 30 - х гг. в советской исторической науке изучалась исключительно с позиции государства: положительная оценка всех действий власти при умалчивании истинного характера ее деятельности, масштабов репрессий и крайне негативная позиция по отношению к церкви, верующим, духовенству. Масштабы применяемых репрессивных методов государства не соответствовали той угрозе, которую представляло собой духовенство для советской власти, но отражали степень той угрозы, которую власть видела в религии и церкви, как мощном духовном противодействии установлению новой государственной идеологии.

Список цитируемых источников

1. Нефедов, В. В. Беседы с митрополитом Филаретом / В. В. Нефедов. — Мн.: Польша, 1992 — 94 с.
2. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава. — Мн.: В.П. "Экаперспектыва", 1998. — С.155–199.
3. Введенский, А. И. Церковь и государство (Очерк взаимоотношений церкви и государства в России в 1918 – 1922 гг.) / А. И. Введенский. — М., 1923.
4. Чырвонаяармейскі антырэлігійны падручнік / Пад рэд. Радзіснава Ф. — Мн., 1931.
5. Крайнюк, З. XVI з'езд Усе КН(б) аб змаганні з рэакцыйным уплывам рэлігіі / З. Крайнюк. — Мн., 1931.
6. Вайсборд, І. Духаўніцтва ў контррэвалюцыі / І. Вайсборд. — Мн., 1930.
7. Синодик за веру і церковь Христову пострадавших в Минской епархии (1918 – 1951 гг.) / Сост. Ф. Кривонос. — Киев, 1996 — 92 с.
8. Ярославский, Е. М. Против религии и церкви. В 4-х т. / Е. М. Ярославский, Т. 2. — М. 1933.
9. 30 октября 1930 г. — Постановление СНК СССР об изъятии колоколов церквей в целях использования их для снабжения промышленности цветными металлами [Электронный ресурс] // Исторические материалы. — Режим доступа: <http://istmat.info/node/28685> — Дата доступа: 08.11.2016.
10. Корзун, М. С. Русская православная церковь, 1917—1945 гг.: изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения / М. С. Корзун. — Минск: Беларусь, 1987. — 111 с.
11. Врублевский А. П. Репрессии против церкви как средство уничтожения духовности народа (1917 — 1941 гг.) // Беларусь: гістарычны лёс народа і культуры. Матэрыялы навуковай сесіі 16—17 лістапада 1994 г. Аддзяленне гуманіт. Навук. — Мн., 1995.